

Н. Н. Колодиев

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

В новейшей российской истории, пожалуй, не было двух других таких общественных институтов, отношения между которыми развивались бы столь драматично и противоречиво, как государство, являющееся олицетворением власти, и пресса, символизирующая общественную свободу и независимость.

Обществоведы по-разному пытались осмыслить складывающиеся между прессой и государством отношения, но большинство исследователей рассматривали их прежде всего в контексте развития демократических институтов и становления в России гражданского общества¹. При этом доминировал, как правило, чисто социологический подход, а психологические и социально-психологические факторы исследователями игнорировались. Такой подход позволял достаточно подробно описать складывающиеся отношения, но далеко не всегда способствовал его пониманию и особенно в тех случаях, когда взаимоотношения власти и прессы носили алогичный характер или казались парадоксальными. В частности, к числу несомненных парадоксов, характеризующих отношение прессы к государству, можно отнести то, что пресса на всем протяжении 90-х годов, с одной стороны, резко критиковала власть за якобы осуществляемые ею попытки ограничить свободу слова и печати и всячески подчеркивала свою независимость и, с другой, настойчиво требовала налоговых льгот и государственной поддержки. Подобная амбивалентность, несомненно, имеет бессознательную природу, понять которую возможно лишь с помощью психоанализа, представляющего собой метод обнаружения бессознательных стремлений, замаскированных рационализацией².

В этой связи уместно вспомнить утверждение основателя психоанализа З. Фрейда о том, что недопустимо игнорировать психологические факторы в тех случаях, когда речь идет о поведении и реакциях живых человеческих существ³. Кстати, на Западе многие известные социологи, в том числе классики социологической мысли, активно и вполне успешно использовали достижения психоанализа в своих исследованиях. Не случайно авторы пингвиновского социологического словаря отметили, что идеи Фрейда оказали существенное влияние буквально на все социологические теории. Особо востребованной у социологов, по мнению авторов словаря, оказалась концепция Фрейда о конфликте между удовлетворением инстинктов индивида и требованиями социального порядка, в которой, в свою очередь, важное методологическое звучание имеет мысль о том, что всякий социальный порядок

представляет собой «хрупкий компромисс между сексуальным удовлетворением, социальной дисциплиной и работой»⁴. В данном контексте понятна идея американского исследователя конфликтов социолога Льюиса Козера, который считал, что психоанализ дает огромный материал социологам для понимания влечений и мотивов поведения и тем самым помогает уточнить и дополнить социологическую трактовку такого сложного социального явления, как конфликт⁵.

Поскольку взаимоотношения государства и прессы в нашей стране на всем протяжении 90-х годов протекали в форме конфликта, имеет смысл для уяснения природы этого противостояния и постижения его глубинных, родовых корней проанализировать эти взаимоотношения с точки зрения психоанализа, в частности, в контексте концепции Эдипова комплекса, представляющего собой ядро психоаналитической теории.

В основу такого подхода к интерпретации отношений прессы и государства были положены следующие аналитические суждения. Во-первых, как отмечал Фрейд, за спиной каждого человека тянется тень Эдипа: личность каждого формируется в зависимости от переживания, а точнее изживания данного комплекса, и им же в значительной мере определяется все позднейшее поведение индивида⁶. Во-вторых, поскольку всякое общество состоит из живых индивидуумов, «оно должно подчиняться действию тех самых психологических законов, которые психоанализ открыл для отдельного человека»⁷. В третьих, несмотря на то, что Эдипов комплекс возникает у всех людей, независимо от их пола, в контексте данной работы под ним подразумеваются взаимоотношения отца с сыном и, соответственно, пресса отождествляется с сыном, а государство — с отцом. Основанием подобного отождествления служит то, что журналистика — творческая профессия, а творчество, согласно психоанализу, всегда характеризует мужское начало⁸, а также то, что для «успешного» журналиста характерны прежде всего мужские качества — агрессивность, честолюбие, инициативность, уверенность в себе⁹. Важным основанием считать журналистику мужской профессией, а прессу — «мужской» организацией является еще и тот особый метод решения дилеммы Эдипова комплекса, к которому прибегает пресса и который является характерным для всех лиц мужского пола, а именно — отождествление себя с отцом¹⁰.

Как известно, в основу концепции Эдипова комплекса был положен миф об Эдипе. История этого мифического царя началась с того, что его отец, Лай, испугавшись пророчества, согласно которому его ждала смерть от руки собственного сына, всячески противился рождению сына, но когда тот все-таки появился на свет — изувечил его, а затем приказал убить¹¹.

Эдип остался жив, но, отвергнутый своим отцом, был вынужден странствовать по свету в поисках своих корней и самого себя: «Но поиск запутывается в паутине лжи и невежества. Он не может узнать ни своего отца, ни познать самого себя»¹². Таким образом, смысл мифа — в конфликте между отцом и сыном.

И в реальной жизни мы видим, что отношения сыновей со своими отцами складываются конфликтно, причем представители психоаналитической школы выделяют до пяти сценариев развития этих взаимоотношений¹³, подчеркивая при этом, что в основе их лежит один из фундаментальных аспектов общественных отношений — отношение к власти¹⁴.

На этом основании мы можем экстраполировать отношения отца с сыном на взаимоотношения государства и прессы. Анализируя взаимоотношения этих социальных институтов в новейшей истории России, можно выделить три наиболее типичные формы их взаимодействия.

Первая из них, когда «ревнивый отец» — государство — видит в прессе своего соперника и антагониста, занимает по отношению к ней жесткую позицию, применяет меры административного давления и ограничивает в доступе к информации. Как следствие, авторитарный «отец» вызывает у прессы агрессивные чувства в свой адрес. «Сын» снова и снова нападает на «отца», стремится его «развенчать». В таких условиях государство представляется «мальчику» в «его подсознательных фантазиях в виде угрожающего страшного монстра»¹⁵. Такой тип взаимоотношений между государством и прессой был характерен для российской действительности 1992—1999 годов, т. е. для периода президентства Б. Ельцина, но в особенности для той ее части, когда шла война в Чечне. Именно тогда военно-политическое руководство страны обвинило прессу в антипатриотизме и ведении информационной войны против российского государства (образ неблагодарного и недостойного сына), в то время как пресса обвинила российские спецслужбы, а фактически государство, в терроре против народа (образ отца-монстра)¹⁶.

Вторая форма взаимодействия государства и прессы также была характерна для 90-х годов и прежде всего для периода «до» чеченской войны и «после». Для нее характерно безразличие «отца» по отношению к «сыну» вследствие того, что, «ощущая собственное духовное несовершенство, отец чувствует, что не может быть для сына примером или наставником, что сын будет враждебно относиться к его требованиям и отвергнет его»¹⁷. У государства и прежде всего у тех лиц, которые в обществе ассоциируются с государством, нет моральных убеждений, нет образа государства и государственных людей, которые могли бы найти позитивный отклик в прессе и обществе. Государство фактически отказывается от своих обязанностей, «держится отчужденно и замкнуто, иногда исчезает совсем»¹⁸. В таких условиях процесс взросления «сына» затягивается. Пресса вынуждена искать поддержки в обществе, постоянно апеллировать к нему и идентифицировать себя с ним. Осознавая ущербность «отца», она находит выход своей агрессии в критике государства и тех ценностей, которые с ним ассоциируются.

Как видно, обе представленные формы взаимодействия не просто мало продуктивны, а вообще деструктивны. Подобные взаимоотношения сторон безответственны и ведут к самоуничтожению. Исторический опыт показывает, что именно слабость и безответственность российского государства в лице

прежде всего императора и правительства, а также агрессивность и безответственность прессы в начале XX века толкнули Россию в пучину хаоса и братоубийственной Гражданской войны¹⁹.

Третья форма взаимодействия государства и прессы связана с появлением нового образа «отца». Слабого, больного, непоследовательного и одновременно авторитарного Б. Ельцина сменил на посту Президента России целеустремленный, энергичный, демократичный и ответственный В. Путин. Как следствие, государство взяло курс на партнерские взаимоотношения с прессой. Оно демонстрирует ответственность и стремится, прежде всего силой примера, привить прессе чувство долга и ответственности, осознавая, что его предназначение: «учить, руководить и наставлять»²⁰. Одновременно государство стремится теперь предоставить прессе возможность осознать себя и свое место в обществе, развить собственные взгляды и интересы, порой даже подталкивая ее к этому.

Все это не исключает возможности возникновения между ними конфликтов, но в идеале они должны «разрешаться с пониманием и взаимным уважением»²¹. Такое отношение «отца» к «сыну» должно помочь прессе осознать свою ответственность перед обществом, осознать себя как силу позитивную и стабилизирующую.

На практике новый курс российского государства привел к расколу журналистского сообщества. Пресса разделилась на две части. Одна демонстрирует готовность к сотрудничеству и партнерству, поддерживая курс российских властей, в то время как другая, оставаясь неизменной в своем неприятии «отца», встречает «в штыки» любые инициативы государства, видя в них либо просто заигрывание с прессой и обществом, либо стремление к манипулированию общественным сознанием с целью последующего ограничения свободы и возврата к авторитаризму.

Такая реакция на предложение к сотрудничеству и партнерству не является чем-то специфически российским и обусловленным исключительно незрелостью демократических институтов нашего общества, напротив, она во многом типична и присуща в той или иной мере всем демократическим обществам, например, США, когда они вели войну во Вьетнаме.

Психоанализ позволяет рассмотреть и, соответственно, объяснить такую реакцию «сына» на предложение «отца» о сотрудничестве на двух теоретических уровнях.

Первый уровень детерминирован той самой эмоциональной амбивалентностью, которая возникает в период формирования Эдипова комплекса: с одной стороны, сын хочет, «чтобы отец его любил, с другой, он более или менее открыто бунтует против отца»²². Постепенно у сына появляются трудности в примирении противоположных желаний и стремлений по отношению к отцу. Данный конфликт разрешается, как известно, путем отождествления с отцом. Вследствие этого сын «удовлетворяет как свои нежные, так и враждебные желания по отношению к отцу. Он не только выражает

любовь к отцу и восхищается им, но также устраняет отца путем включения его в себя»²³.

«Сын», таким образом, становится «отцом», и именно отсюда проистекают желания прессы быть властью, пусть «четвертой», но все же властью. Получается, что все амбиции и стремления прессы стать вровень с государством, которое олицетворяют законодательная, исполнительная и судебная ветви власти, питаются иррациональными мотивами и обусловлены неразрешенностью Эдипова комплекса, а все рассуждения журналистов на эту тему есть не что иное, как рационализация, скрывающая то, чего они не могут допустить до уровня своего сознания.

Между тем отец, с которым сын отождествляет себя, не является тем отцом, каков он есть на самом деле, а представляет собой некий придуманный образ. При этом З. Фрейд считал, что это такой отец, «чье могущество и добродетели достигли громадных размеров, а чьи слабости и ошибки отрицаются»²⁴. Отец — всемогущий и всемудрый. Другой психоаналитик, Дж. Франкл, утверждал, что основу образа отца составляют порой странные и даже страшные фантазмы раннего детства, когда «в воображении ребенка возникает не образ обеспокоенного, иногда ревнующего, иногда сердитого отца, а некий монстр, собирающийся кастрировать или уничтожить его»²⁵. Для нас в данном случае расхождения аналитиков не принципиальны, ибо в любом случае все эти образы в результате интроецирования, включения в себя, становятся внутренней психической силой индивида, которую в психоанализе принято называть Супер-Эго²⁶.

Супер-Эго проявляет себя на протяжении всей последующей жизни человека в виде приказов и запретов, влияя, таким образом, на все его желания и поступки.

Примечательно, и в этом вопросе психоаналитики едины, что Эдипов комплекс особенно ярко выражается у детей самых мягких, наименее строгих отцов²⁷. Дж. Франкл в этой связи отмечал, что «именно ослабленная власть Супер-Эго и его представителей в обществе снимает ограничения с агрессивных импульсов младенческой стадии: садистско-разрушительных импульсов оральной фазы, духа противоречия и агрессивного размазывания грязи на анальном уровне и на нарциссическом уровне — маниакальных форм самоутверждения, лишённого всякого уважения или внимания к чувствам и страданиям других»²⁸. Этим можно объяснить преобладание в прессе начала и середины 90-х годов негативной информации, отказ от сотрудничества с властью, нежелание воспринимать адекватно любую информацию, исходящую от государства.

Таким образом, слабый «отец», т. е. государство в период президентства Б. Ельцина, его невнимание к прессе в особенно важный для нее период становления и неспособность помочь ей обрести себя, свою идентичность в полной мере способствовали регрессии журналистского сообщества и прессы в целом к «области младенческих ощущений, к инфантилизму»²⁹. Это объяс-

няет стремление прессы именно в этот период привлечь внимание всего общества и государства к себе, своим цеховым проблемам, а также настойчивое требование льгот и привилегий. Как следствие, «мальчик» остался на детском уровне, мучимый все теми же страхами и конфликтами.

Последующая трансформация российского государства, как уже отмечалось, не повлекла за собой гармонизацию отношений между прессой и властью. И нынешнее государство, несмотря на то, что оно кардинально отличается от предыдущего, с негодованием отвергается значительной частью журналистского сообщества. Это объясняется тем, что нынешнего реального «отца» сравнивают с отцом идеальным, глубинным, образ которого запечатлен в Супер-Эго. Поскольку истоки его коренятся в младенческом возрасте, у многих наших сограждан, в том числе у журналистов, он был сформирован в годы тоталитаризма. Соответственно восприятие власти и государства детерминировано той долей страха, ненависти и любви, которую лично или опосредовано, через судьбы родителей и ближайших родственников, «хлебнул» тот или иной индивид в эпоху сталинизма, когда «отцом нации» был двуликий Янус — великий и ужасный Сталин. Именно так можно объяснить то смешанное чувство страха, вины и любви, которое испытывают некоторые журналисты, и прежде всего так называемые шестидесятники, по отношению к нынешнему государству. Приведем показательный пример. Отвечая на вопрос корреспондента «Общей газеты» об отношении к новой власти и к В. Путину, писатель Людмила Улицкая сказала: «Я отношусь к Путину очень хорошо. Потому, что знаю, что сегодня ночью меня не придут арестовывать. А могли бы. Механизм ведь уже запущен, работает»³⁰. Все это было сказано на полном серьезе и соответственно было воспринято в редакции, где, видимо, во многом разделяют подобные сомнения, чувства и страхи, за которыми, несомненно, стоит бессознательное соотнесение Эго и Супер-Эго. Приведенные же слова на аналитическом языке звучат, как «я веду себя плохо, и отец должен меня наказать!» — тревожное свидетельство непреодолимости Эдипова комплекса, личной зависимости, несвободы и бессилия.

Получается, что дело не столько в государстве, в «отце», сколько в Супер-Эго, в которое превращается «казненный» отец. Именно оно «является источником чувства вины и раскаяния: в нем накопилось все то зло, которое люди обратили против него, он вызывает страх и угрызения совести; теперь приходится ему служить, чтобы ублажить его и замолить свои грехи. Ему вручается власть над обществом, и он становится всеобщим тираном, и люди начинают бояться не только внешних проявлений Супер-Эго — религиозного и светского истеблишмента, но и своих собственных маниакальных и сексуальных влечений, которые побудили их напасть на него; у них развивается недоверие к самим себе и все конфликты боязни удовлетворения»³¹.

Избавление от тирании социального Супер-Эго и, следовательно, преобразование отношений между «отцом» и «сыном» на конструктивной основе возможны лишь при условии трансформации социального Супер-Эго, что,

в свою очередь, возможно лишь при наличии длительной временной перспективы и взаимных шагов «отца» и «сына» навстречу друг другу.

Совершенно другое понимание специфических отношений государства и прессы дает нам обращение к глубинным корням Эдипова комплекса. Так, по мнению Э. Фромма, в его основе лежит не просто конфликт между «отцом» и «сыном», не просто борьба против власти «отца», но культурное противостояние, берущее свое начало еще во времена архаики, патриархального и матриархального укладов общества³².

Суть матриархального начала, как отмечал Э. Фромм, состоит в равенстве всех людей, «ибо все они — дети матерей и каждый из них — дитя матери — Земли», ценности человеческой жизни и любви, в то время как для патриархального уклада главное — это «принцип порядка и власти, подчинения и иерархии»³³.

Сыновья в патриархальной традиции рассматриваются как собственность отцов и, соответственно, граждане — как собственность государства.

Получается, что в основе конфликта государства и прессы лежат ценности разных культур, противостоящие друг другу. Причем пресса, сохраняющая тесную родовую связь с обществом, ее породившим, является носителем матриархальной культуры, в то время как государство — патриархальной.

Иногда в ходе истории противостояние этих двух начал обостряется и та борьба, которая идет в современном обществе против патриархальной власти, нацелена, по мнению Э. Фромма, против самого существования патриархального принципа, «предлагая возвращение к матриархальному принципу на регрессивной, недиалектической основе»³⁴.

Тем не менее все это не делает противоречия между государством и прессой фатально неразрешимыми: как известно, Эдипов комплекс при благоприятных обстоятельствах разрешается или исчезает³⁵. Важно помнить, что «отец» и «сын», государство и пресса неразрывно связаны друг с другом и лишь в результате совместных усилий смогут преодолеть существующие между ними противоречия. Создание благоприятных условий — это, несомненно, задача «ответственного» государства. Но основные усилия для преодоления данного комплекса и, следовательно, своего конфликта с государством все-таки должна приложить сама пресса. И, преодолев этот конфликт, обрести в конце концов собственную идентичность...

¹ См., напр.: Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М., 2001; Зарубин В. Г. Участие российской журналистики в политическом процессе // Журналистика и социология. Россия, 90-е годы: Сб. ст. / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2001. С. 40—49.

² См.: Фромм Э. Кризис психоанализа. СПб., 2000. С. 26.

³ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С. 413—414.

⁴ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 349—350.

⁵ См.: Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 86.

⁶ См.: Царь Эдип. Прошлое одной иллюзии. М., 2002. С. 290—291.

- ⁷ См.: *Фромм Э.* Кризис психоанализа. С. 131.
⁸ Там же. С. 105.
⁹ См.: *Зарубин В. Г.* Участие российской интеллигенции в политическом процессе. С. 40.
¹⁰ См.: *Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США: Психол. исслед. М., 1999. С. 54.
¹¹ См.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 280—284.
¹² *Франкл Дж.* Незнечданное Я. М., 1998. С. 202.
¹³ См.: Там же. С. 203—208.
¹⁴ См.: *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 267.
¹⁵ См.: *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 204.
¹⁶ См.: Журналисты на чеченской войне: Факты, документы, свидетельства. М., 1995.
¹⁷ *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 207.
¹⁸ Там же.
¹⁹ См.: *Дейли Дж.* Пресса и государство в России (1906—1917) // Вопр. истории. 2001. № 10. С. 25—45.
²⁰ *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 205.
²¹ Там же. С. 206.
²² *Фромм Э.* Кризис психоанализа. С. 120.
²³ *Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. С. 54.
²⁴ Там же.
²⁵ *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 138.
²⁶ См.: *Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. С. 55.
²⁷ См.: *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 139.
²⁸ Там же. С. 140.
²⁹ Там же.
³⁰ Общая газета. 2002. 16—22 мая.
³¹ *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 235—236.
³² См.: *Фромм Э.* Душа человека.
³³ Там же. С. 279.
³⁴ *Фромм Э.* Кризис психоанализа. С. 99—100.
³⁵ *Франкл Дж.* Незнечданное Я. С. 203.

Л. М. Макушин

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПЕЧАТИ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Системный подход позволяет построить не только статичную, но и динамичную модель периодики путем последовательного теоретического воспроизведения ее развития как социально-исторического процесса. Поскольку развивающаяся система в принципе является незавершенной, то развитие не подлежит жесткому линейному определению. В общих чертах оно предстает перед нами как комплекс направленных, определенным образом упорядоченных в своей последователь-

